

Охотничий фольклор бурят Присаянья

Аюна Санжижаповна Дылгырова

(Восточно-Сибирский государственный институт культуры:
Российская Федерация, 670031, г. Улан-удэ, ул. Терешковой, д. 1)

Аннотация. Значительную часть Восточных Саян, где проживают закаменские, тункинские и окинские буряты, покрывает тайга, поэтому в жизни и культуре этих этнических групп охота занимает важное место наряду со скотоводством и земледелием.

В данной статье обобщаются опубликованные и собранные авторами в ходе полевых исследований материалы об охотничьих обрядах бурят Присаянья, раскрывается значение некоторых охотничьих обрядовых действий, приводятся благопожелания, заговоры, песни, связанные с охотой.

Успех в охотничьем промысле, по представлениям жителей Присаянья, зависел от хозяина тайги — Хангая, поэтому охотники совершали обряды подношения ему с просьбой даровать удачу. Они бережно относились к миру природы: почтительное отношение у местных бурят сложилось к медведю, волку, оленю, горностаю, выдре, соболю, ворону, что нашло отражение во всем разнообразии жанров фольклора.

Ключевые слова: Восточные Саяны, буряты, хонгодоры, охотничьи обряды бурят, охотничьи песни бурят, охотничья этика, охотничьи традиции.

Дата поступления статьи: 27 января 2025 г.

Дата публикации: 25 июня 2025 г.

Для цитирования: Дылгырова А. С. Охотничий фольклор бурят Присаянья // Традиционная культура. 2025. Т. 26. № 2. С. 72–82.

DOI: <https://doi.org/10.26158/TK.2025.26.2.005>

В пространстве этнической Бурятии выделяется горно-таежный регион Присаянья, который включает Окинский, Тункинский и Закаменский районы. Природа края отличается сочетанием горных массивов с таежными пространствами, что предопределяет актуальность такого занятия бурят, как охота.

Цель работы — обобщение сведений по обрядовому фольклору бурят Присаянья, связанному с охотой, который представлен благопожеланиями, призываниями, заговорами, пословицами и песнями.

Актуальность исследования обоснована слабой изученностью охотничьего обрядового фольклора бурят в целом и бурятского населения Присаянья в частности. Постепенная утрата традиционных способов промысла, усовершенствование способов охоты, промыслового оружия приводят к сокращению значительного объема охотничьего фольклора, что требует от исследователей своевременной фиксации материала и его интерпретации.

На территории Присаянья проживают несколько этнических групп бурят (хон-

годоры, шошолоки, тэртэ, хойһо, хурхуты, уляаба, боолдой), хамниганы и сойоты.

Особая роль охоты в жизнедеятельности бурят Присаянья сохраняется и по сегодняшний день. Основной промысел бурят связан с охотой на белок, степного сурка, изюбра, оленя, кабарги, росوماхи, рыси, кабана, медведя и соболя [Галданова 1992, 39–48; Доржиев, 1993, 32–38].

Период охотничьего промысла у присаянских бурят делился на сезоны. Когда осенью выпадал снег, выходили охотиться на кабана, весной добывали оленей, у которых отрастали молодые рога — *шуһан эбэр* (кровяные рога). Весной на южных склонах гор, где появлялись первые проталины (*үбэрах*), собирались олени, чтобы полакомиться первой зеленой травой. Охотники в этом случае говорили: «*Үбэртэ гарахам*» (Поднимусь на склон). Владимир Лыксыренович Семенов, охотник из Окинского района, говорит, чтобы олени не почувствовали запах, важно определить направление ветра: «*Үбэртэ гарахадаа, һалхи ехэ хараха хэрэгтэй*» (Когда поднимаемся на склон горы, наблюдаем за ветром) (Зап. от В. Л. Семенова, 1944 г. р., с. Орлик, Окинский р-н) [ПМА 2023]¹.

Охота на медведя начиналась осенью, когда медведи ложились в спячку, устраивая свои берлоги (*эшээн*). В лесу местонахождение медведя определялось по наличию небольшого бугорка, покрытого мхом над местом лежки, — *баабгайн эшээн хүбхэтэр байха* (верх медвежьей берлоги бывает рыхлым). Выход из берлоги закрывали шестью (*хүшүүргэдэхэ / модо адайрлаха*) и корнями деревьев (*модоной нүүлээр хааха*), создавая этим препятствие для зверя, при этом приговаривали и кричали: «*Заанай үргэ заалажа болохогуй, заяаши хүндэ халдажа болохогуй*» (Челюсть слона невозможно разломать, на избранного создателем человека не нападай). Образ слона возникает в данном тексте, возможно, потому, что приверженцы учения Будды

почитают слона, он символизирует силу, мудрость и долгую, счастливую жизнь. В берлогу кидали факел, чтобы выгнать зверя наружу, или тыкали шестом, и пока медведь пробирался сквозь препятствие, в него стреляли. Добыв медведя, убеждали его, что не охотники убили зверя, а он сам споткнулся и упал. Охотники не говорили, что «убили» (*алаа*) медведя, а говорили, что «усыпили» (*унтуулаа*), про остальных животных говорили, что «остановили» (*торгоо*), «урунили» (*мухарюулаа*), «отделили» (*һалгаагаа*) (Зап. от Л. Л. Намсараева, 1949 г. р., с. Санага, Закаменский-н) [ПМА 2020].

Особо бережное отношение к миру природы, ее почитание и культ в охотничьем быту выражаются в системе иносказаний: «Буряты называют волка *тэнгэрийн нохой* ‘небесная собака’, *ута һуултэй* ‘длиннохвостый’, медведя — *тайгын абгай*» [Бардаханова 1992, 194].

Буряты Присаянья с почтением называют волка *хүдөөгэй таабай* (дедушка степи), медведя — *дахатай гүрөөһэн* (олень в шубе). Охотники не произносили вслух, что добыли зверя, у них существовали особые знаки. Например, если один из них убил соболя, то этот охотник надевал на себя шапку задом наперед и садился возле огня. Остальные по этому знаку, чтобы поощрить его, должны были сварить саламат (сакральную пищу, изготавливаемую из ржаной муки на сметане), налить чай и молочное вино (*архи*). Охотник в знак благодарности за удачу в охоте, а также призывая удачу и богатство для себя и остальных, совершал обрядовое действо, называемое *хурылха*: брал на ладони соболя и вращал по кругу солнца (Зап. от Санжайжап Цыреновича Гундуева, 1934 г. р., с. Санага, Закаменский р-н) [ПМА 2007].

Начиная с осени добывали пушных зверей: белку, рысь, росомуху, колонка, лисицу. Шкурки некоторых мелких животных в прошлом использовались в качестве *онгонов*, олицетворений тотемов,

¹ Здесь и далее по статье цитируются полевые материалы, собранные автором в период с 1993 по 2024 г. в различных районах Республики Бурятия.

духов — хозяев местностей, семейного счастья. Связка шкурок девяти зверей (соболя, белки, горностая, куницы, хорька, выдры, лисицы, зайца, косули) являлась обязательным атрибутом ритуального облачения бурятских шаманов [Михайлов 2006, 9]. В настоящее время традиция изготовления из шкурок животных *онгонов* ушла в прошлое.

Шкуры животных и мех пушных зверей использовали для шитья одежды, обуви и шапок. Сухожилия и жилы лося и оленя использовали в качестве ниток. В *ёхор*² закаменских бурят есть такие слова:

*Хандагайн шүрбэнэ нанишажа,
Халюун дахаяа оое.
Халюун дахын шэнэдэ
Энэл түрэддөө гоёй.*

*Бугын шүрбэнэ нанишажа,
Булган дахаяа оое.
Булган дахын шэнэдэ
Энэл түрэддөө гоёй
(Сухожилиями сохатого
Сошьем шубу из выдры.
Пока шуба новая,
Покрасуемся на свадьбе.*

Сухожилиями оленя
Сошьем соболю шубу.
Пока шуба новая,
Покрасуемся на свадьбе)³
(Зап. от Светланы Будаевны Гундуевой,
1942 г. р., с. Санага, Закаменский р-н) [ПМА
2001].

Шапки обычно шили из шкурок пушных зверей, снятых чулком. При этом готовые изделия могли приобретать особые свойства, в зависимости от используемого для их изготовления меха. Так, например, буряты считали, что шапка, сшитая из меха белки, оказывает благотворное воздействие на глаза, а головные уборы, сшитые из меха рыси, подходили далеко не всем — такая шапка могла вызывать головную боль.

Детские шапки обычно шили из белых и заячьих шкурок. Выделывать шкурки мелких животных помогали дети, используя черный чай: шкурку смачивали чаем и разминали в руках.

Для суровых холодных зим Присяня сами охотники и пастухи, т. е. люди, которые по роду своей деятельности много времени проводили на улице, предпочитали носить шапки, сшитые из меха росوماхи. В отличие от меха других животных, мех росوماхи не покрывался инеем, который образовывался вокруг лица от дыхания. Особенности меха росوماхи обуславливались жесткостью волоса, густым подшерстком, плотной, жесткой ворсинкой.

В одной из песен поется об особенностях меха выдры и соболя, которые также ценились у бурят:

*Хандагайн хатарша юнэйхиб?
Хари шаантын утынтя.
Халюунай гоё юнэйхиб?
Үзүүр хормын утынтя.
Бугын хатарша юнэйхиб?
Булиан шаантын утынтя.
Булганай найхан юнэйхиб?
Үзүүр хормын утынтя
(От чего (зависит) грациозный бег оленя?
От длины икроножных связок.
От чего (зависит) красота выдры?
От длины остевого ворса.
От чего (зависит) рысистый бег лося?
От длины берцовой кости.
От чего (зависит) красота соболя?
От длины остевого ворса)*

(Зап. от Долгор Санжиевны Норбоевой,
1917 г. р., с. Санага, Закаменский р-н) [ПМА
1997].

Почтительное отношение у местных бурят сложилось к горностая (*үе*). «*Үе ерэхэдээ найн юм*» (Хорошо, когда горностай приходит). Этот зверек, по поверьям бурят, приходил к усадьбе случайно — его появление означало счастье, благополучие для семьи. Животное старались не трогать, но если случалось

² *Ёхор* — сопровождаемый пением обрядовый танец бурят.

³ Здесь и далее переводы автора статьи.

заполучить его шкурку, ее хранили в сундуке на счастье (Зап. от Владимира Гомбоевича Дылгырова, 1943 г. р., с. Нурта, Закаменский р-н) [ПМА 2016].

Медвежье мясо после разделки туши сразу вешали на ветки деревьев, так как сало таяло на снегу. У медведя особо ценились лапы (*набар*), жир (*өөхэн*), желчь (*нэлхэн (домхи)*). Лапы медведя использовались как обереги дома и при лечении мастита. Лапу прикладывали к больному месту, массировали, приговаривая: «*Хабадар хари, хабадар хари*» (Опухоль, уйди!), и постепенно боль проходила, сгустки молока выходили наружу) (Зап. от В. Л. Семенова, см. выше).

Медвежий жир (*баабгайн өөхэн*) хорошо помогал при лечении остеохондроза. Из молодых рогов изюбря готовили спиртовую настойку (*бодон*), которую употребляли при простудных заболеваниях в целях профилактики. От простуды использовали внутренности кабана (*гахайн дотор*) и нутряной жир оленя (*сарсадаггүй гүрөөхэнэй нэмжэ*). Струю кабарги (*хүдэршин үнгэлэй (ларза)*) применяли в виде порошка или спиртовой настойки для снижения жара у детей и взрослых.

Старики говорили, что полезно для здоровья употребить немного волчьего мяса — это уберезет человека от паралича, оно к тому же полезно при туберкулезе. Некоторые рекомендуют носить при себе кусочек берцовой косточки рыси, потому что это предотвращает внезапные падения и переломы.

Традиционный промысел силками постепенно уходит из охотничьих практик бурят Присяянья в связи с тем, что бытует мнение о негативных последствиях такого вида промысла для охотника — жизнь его укорачивается. Если зайцы слишком часто попадались в силки и в целом охота слишком часто была удачной, это расценивалось как негативный признак близкой смерти человека. Любые дары леса, полученные в избытке, означали нарушение меры, баланса, что непременно

вызывало утрату в хозяйстве: «*Хангайн юумээр баяжахагүй*» (Хангайским добром не разбогатеешь)⁴ (Зап. от Ринчин Сосоровны Шагжеевой, 1928 г. р., с. Мыла, Закаменский р-н) [ПМА 2018].

Аналогичные представления бытовали у жителей побережья оз. Байкал, которые твердо верили в то, что «Байкал сколько рыбы дает, столько же людей забирает» (Зап. от Риты Никитичны Сушнеевой, 1948 г. р., с. Ранжурово, Кабанский р-н) [ПМА 2022].

У охотников сложились особые отношения с лесными птицами, в частности с воронами (*хирээ*). Вороны нередко оказывали помощь охотникам, сгоняя к ним добычу, поскольку уже привыкли к тому, что охотники оставляют им ее часть. Говорят, что по полету ворона можно предугадать, будет ли хорошая добыча или охотников ждет неудача. Если ворон летит плавно, тяжело взмахивая крыльями, — охота будет удачной. Приведем примеры пословиц: «*Хүгшэн хирээ худалаар хаагалдаггүй*» (Старый ворон зря не каркает), «*Баярлахан хирээ бархираа*» (От радости ворон зарыдал) (Зап. от В. Л. Семенова, см. выше).

Охота присаянских бурят состояла из нескольких этапов.

Подготовка к охоте была насыщена практическими и ритуальными действиями. Одно из них — гадание на бараньей лопатке по поводу удачи/неудачи на охоте. Если при обжигании лопатки на огне на кости появляется круглое темное пятно, это означает, что добыча будет. Готовили продукты (*хүнэнэн*): ячменную муку (*аагхан*), топленое масло (*шара тоһон*), сушеное мясо (*борсо*), пресные лепешки (*боово*), печенье, конфеты, консервы. На охоту следовало выезжать с большим количеством и разнообразным составом продуктов. Говорили: «*Хангай баянаар ябахада дуратай*» (Хангай любит щедрых людей). По словам Саадуламы, «*Хангайда мургэхэгуй, Хангайда даадхагша юм. Шанга, бэрхэ байхадаш,*

⁴ Хангай — хозяин горных вершин, тайги. Присяянские буряты совершали моление Хангаю во время охоты, сбора ягод, заготовки дров и т. д.

хаража ябаха, муу байбалыш хаяха» (Хангаю не молятся, лишь делают подношение. Хангай поддерживает сильнейших, богатых, щедрых, слабых оставляет, кидает) (Зап. от Суманаа Саду ламы (Бато Батуевича Цыбикова), с. Утата, Закаменский р-н) [ПМА 2024].

Готовили охотничье снаряжение: веревку для нанизывания беличьих тушек (*үлхөө* — кожаный ремешок с замком из клыка кабарги), спальный мешок (*унталга*), кожаные сумки (*богсо уута*), оружие (*буу зэбсэгээ шалгаха*). Обновляли конскую упряжь (*мориной тоног*), подковывали лошадей (*моридоо тахалха*), тренировали лошадей (*мориной уялга абхуулха*)⁵.

Отправление на охоту было очень важным событием, причем насыщенным обрядами и ритуалами. Особое внимание уделяли первой встрече: если встретят по дороге зайца, слева направо пересекающего дорогу охотнику (*энгэр орохо*), — к удаче справа налево (*энгэр гараха*) — к неудаче. Встреча с женщиной, «нечистыми» (*харатай*) людьми (возвращающихся с похорон, посетивших дом роженицы) расценивалась как плохая примета. Важность момента отправления на охоту обуславливала стремление охотников держать в тайне от остальных свои планы. Охотники обычно выходили рано, чтобы избежать нежелательных встреч (Зап. от В. Л. Семенова, см. выше).

Охотники брали с собой помощника (*отог харааши*), который присматривал за охотничьей стоянкой (*отог*), варил, готовил, поддерживал порядок, чистоту, следил за одеждой охотников (сушил, вовремя менял стельки из травы, которыми пользовались только на промысле). На эту роль соглашались обычно пожилые люди, они просились на промысел поправить и поддержать свое здоровье: люди с низким гемоглобином имели возможность есть сырую печень добытых животных, пить свежую кровь косули и пр. Говорили: «Хүдөө ябажа нураһан зон хүдөөдөөл гэжэ байха. Нюргааш

шаража унтахада гое, һайн болодог» (Привыкшему охотиться не сидится дома, тянет в тайгу, ночевать у костра для спины полезно) (Зап. от Цэрэн-Дулмы Сосоровны Цыренжаповой, 1926 г. р., с. Мыла, Закаменский р-н) [ПМА 2018].

По прибытии на места стоянок совершали ряд обязательных обрядов. Так, В. Г. Данжаловым описан обряд привлечения удачи (*тарим*), проводимый закаменскими охотниками. На двух деревьях делаются надрезы сверху вниз, затем разжигается можжевельник, после чего охотники проходят между деревьями, чтобы очистить себя, коня и оружие. Надрезы символизировали «открытие дверей удачи» (*олзын үүдэн*) [Данжалов 1992, 108].

Обязательным элементом ритуала окинских охотников после разведения огня на стоянках было воскурение, жертвоприношение, «угощение» хозяев тайги (*Хангайн һан*). Угощая Хангая всеми продуктами, которые взяли с собой в лес, возжигали ароматный можжевельник и обращались к нему со словами:

Шандаганиһье һаань, шамарлахагуйбди.

Хүдэрши һаань, хамаагуй.

Үршөөгьт!

(Хоть заяц попадетсЯ, будем довольны.

Хоть кабарга достанетсЯ — сойдет, хорошо.

Снизойдите!)

(Зап. от В. Л. Семенова, см. выше).

Закаменские буряты проводили обряд подношения Хангаю (*Хангайн сэргэм*). Варили чай (*зутараан сай*), саламат (*зөөхэй*), угощали хозяев местности и обращались с просьбой одарить добычей:

Хада дээрээ һуудалтан,

Хуһан сагаан таягтан,

Хангайе хараашад,

Хамаг зониие тэдхээшэд!

Хара сайһаамнай амсагты

Хамаг эдээнһээмнай хүртэгты.

Хара һанаатаниие хаагты,

һайхан һанаатаниие үршөөгты,

⁵ *Мориной уялга абхуулха* — осенью охотники в течение одной недели каждый вечер привязывают лошадей вечером перед выпадением росы и выстаивают до утра, не давая пищи и воды.

Хойто хүнэй хүл дорохоо
Халюунай харые,
Хэрмэнэй хүхье⁶,
Харганаада хаажа үгэгты
Булганай борые⁷
Бургаһанда тогтоожо үгэгты
(На горе живущие,
Березовую белую трость имеющие,
За Хангаем смотрящие,
Всех людей обеспечивающие!
Попробуйте наш черный чай,
Отведайте все наши блюда.
Защитите от черных помыслов,
Поддержите добрые помыслы.
Из-под ног сзади идущего
Черную выдру,
Лучшую серую белку
Дайте загнать в кусты.
Коричневого соболя
Остановите в кустарниках)
(перевод наш. — А. Д.)
[Данжалов 1992, 108].

В этом обращении к духам природы — хозяевам местности — содержится просьба о помощи в охоте, о ниспослании самых лучших и ценных пушных зверей. К хозяину тайги Хангаю обращались с просьбой даровать удачу.

Проводили магический обряд добывания зверя — *шүүргэ хүрэхэ* (прыгать через огонь). Разжигали костер из щепок сухого дерева, пораженного ударом молнии, это дерево считалось сакральным — освященным «небесным огнем». На куске коры лиственницы изображали животное и с этим изображением прыгали через костер. Затем стреляли в изображение зверя. Если изображение удавалось поразить, верили, что охота будет удачной (Зап. от Санжайжаба Дамдиновича Банзаракцаева, 1934 г. р., с. Санага, Закаменский р-н) [ПМА 2017].

В охотничьем обрядовом комплексе значительное место занимают песни, улигеры, сказки, благопожелания, инструментальная музыка, охотничьи расска-

зы. Как пишет Г. Р. Галданова, охотники по вечерам рассказывали улигеры, веря, что если они понравятся хозяину тайги Хангаю, то он пошлет охотникам добычу в знак благодарности. Также охотники тайги делали струнный смычковый инструмент *хур*, используя бычий мочевого пузырь, а из сухой древесины вырезали флейту *лимбу*, чтобы мелодическими звуками ублажать слух Хангая [Галданова 1992, 43]. С. С. Бардаханова приводит такую поговорку:

Ойн эжэн онтохондо дуратай,
Тайгын эжэн таабарида дуратай
(Хозяин леса любит сказки,
Хозяин тайги любит загадки)
[Бардаханова 1992, 185].

Охотники ко всему прочему брали с собой деревянный духовой инструмент *ембэ*, который изготавливался вручную из ели или сосны. В *ембэ* просверливались раскаленным железом 5–6 отверстий, мундштук делали из склеенных рогов изюбра. Традиционно в содержании охотничьих песен транслируется стремление приманить зверя к охотнику, воспевая его силу, красоту (нотный пример).

Пример

УРДА ЯНГАЙН ШЭЛҮҮНЭН

Урда Янгайн⁸ шэлүүнэн
Унаганай шэнээн шэлүүнэн
Урда хүлдөө бүдэртэй
Ямаршье найхан шэлүүнэм!
Хэнэй хүбүүн харбажа
Мэргэн соло дуудалхай?
Хэнэй хүүхэн хайшалжа

⁶ Хэрмэнэй хүхэ — в Присяные белки зимой серые с пепельным, голубым оттенком.

⁷ Боро — у присаянских бурят переводится как глина и коричневый цвет.

⁸ Янгай — так информатор произносит имя собственное Хангай.

Уран соло дуулдаһай?

Хойто Янгайн шэлүүһэн
Хониной шэнээн шэлүүһэн
Хойтош хүлдөө бүдэртэй
Ямаршые һайхан шэлүүһэм!
Хэнэй хүбүүн харбажа
Мэргэн соло дуулдаһай?
Хэнэй хүүхэн хайшалжа
Уран соло дуулдаһай!
(Рысь Южного Хангая
Ростом с жеребенка,
С пятнами на передних ножках,
Какая красивая рысь!
Чей сын прославится меткостью,
Пустив стрелу?
Чья дочь прославится мастерством,
Раскроив искусней (шкуру)?

Рысь Северного Хангая
Величиной с овцу,
С пятнами на задних ножках,
Какая красивая рысь!
Чей сын прославится меткостью,
Пустив стрелу?
Чья дочь прославится мастерством,
Раскроив искусней (шкуру)?
(Зап. от С. С. Логинова, 1910 г. р., с. Санага, Закаменский р-н; запись, расшифровка текста и нотировка автора статьи).

Песня основана на трихорде, который подтверждает принадлежность «песни охотника» (*ангушанай дуу*) к ранним пластам фольклора [Халтаева 2000, 44]. Повтор одного мелодического ядра совпадает с повтором названия рыси (*шэлүүһэн*), что создает интонацию заклинания. Данная охотничья песня тесным образом связана с магическим мифо-ритуальным комплексом. «Привораживанию» зверя должны способствовать и красочное описание, и восхищение, выражаемое в восклицании: «Ямаршые һайхан шэлүүһэм!» (Какая же красивая рысь!).

Поддержка со стороны духов должна была сочетаться с практическими навыками приманивания зверей, которое осуществлялось с помощью звукоподражательных манков. У присаянских бурят эти

приспособления отличаются большим многообразием по размерам, издаваемым звукам, способам их извлечения. Их использование требует большого мастерства.

Жизнь охотника, тесно связанная с природой, пронизана поэтическим восприятием мира. Так, время осеннего гона в природе буряты образно называют «*бугын дуунай үе*», что в переводе «время излюбленной песни». Оно наступает в конце августа и обычно сопровождается многодневными проливными дождями — *гуранай шииг*. Подражая песне изюбра, охотник старался приманить самца, используя манок для изюбра (*урам*) (фото 1). Искусный охотник достигал большого сходства в исполнении «любвонной песни» зверя, в этом прослеживается момент слияния человека с миром живой природы.

В спорных ситуациях мужчины, чтобы показать свое превосходство, шутили-во говорят: «*Шамдаа ороходоо бугын дуу шагнаһан хүмби*» (В отличие от тебя, я слышал рев оленя). Есть примета: услышать рев оленя — к долгой жизни (Зап. от С. Ц. Гундуева, см. выше).

Важны были **обряды, совершаемые после охоты**. Охотники строго соблюдали правила своего профессионального сообщества, выработанные веками. Покидая охотничью стоянку, они оставляли запас непортящихся продуктов (соль, сухую заварку и пр.), наколотые

Фото 1. Манок на изюбра урам.
Фото Б. Б. Гармаева, 2020 г.
Decoy for red deer uram.
Photo by B. B. Garmayev, 2020

дрова, спички на тот случай, если в *отог* забредет случайный человек или охотник, и говорили пожелание:

*Хойноһоом ерэнэн ангуушан
Хоолтой, дулаан хоног!
(Следом вошедший охотник
Пусть сытым в тепле переночует!)*

Стоянка должна быть хорошо вычищена. По этому поводу есть известные в кругу охотников поговорки:

*Сайн хүнэй отогто — хонолгын түлээн
Муу хүнэй отогто — тулга!
(У стоянки хорошего охотника — дрова
на ночь на сутки,
У плохого — тренога!)
Сайн хүнэй отогто — хонолгын түлээн
Муу хүнэй отогто — ембэ, заагуур*

Фото 2. Набор охотника:

1. *ембын түгөөнсэг мүнһэн* — сумка для котла; 2. *халбага* — ложка; 3. *ембэ* — котел; 4. *сайгай түгөөнсэг мүнһэн* — сумка для чая; 5. *заагуур* — ручка для котла; 6. *тогооной харганай* — веник-щетка для чистки посуды.

Фото автора, 2022 г.

Hunter Pack: 1. bag for the boiler; 2. spoon; 3. boiler; 4. tea bag; 5. handle for boiler; 6. broom-brush for cleaning dishes.

Photo by the author, 2022

(У стоянки хорошего охотника — дрова, У плохого — котел и ручка) (фото 2) (Зап. от В. Л. Семенова, см. выше).

Поскольку тушу большого зверя можно загрузить примерно на четыре лошади, иногда делали несколько рейсов. «*Ехэ юмэ торгобол, сахалтеод ерэхэ — хоер модоной хоорондо модо адайрлаад, дээрэнэ жэжэхэн бургааһа табяад, мяхаа табяад, дээрэнэнь хушаад ерэхэ*» (Мясо оставляли в лесу, делая специальное сооружение: прибивали шесты к дереву, сверху клали ветки кустов, мясо и укрывали его). Обычно кости оставляли в лесу. В народе есть и такая поговорка: «*Арьяатанай яһан арадаа хосорхо*» (Кости хищника загнивают в лесистых горах) (Зап. от Ц.-Д. С. Цыренжаповой, см. выше).

Добычей из первой партии обязательно делились с другими охотниками, односельчанами, тем самым охотник также открывал для себя «двери удачи»: «*Ангуушадтай уулзабал, олзоео хубаалдаха, айл хотон зоноороо хубаалдаха, тиигэжэ олзын үүдэ нехэхэ*» (Если встретил охотников, надо поделиться добычей, с односельчанами надо делиться, таким образом открывают «двери удачи»). Открытию «дверей удачи» способствовали благопожелания односельчан или охотников (*үрээлнүүд*):

*Агнажа ябаһан газартаа,
Ашаа, ганзагатай ябагты!
Ара тайгаар агнажа
Ашаа ехэтэй, олзотой бусагты!*

*Харбаһанаа хүсэжэ,
харбайһанаа барижа,
Ошоһон газарһаа олзотой омогтой
Ябаһан газартаа хүндэ ямбатай хүн ябагты
(На охоте с тяжелым грузом,
С полным тороком ездите!
Поохотившись по горам-лесам,
Возвращайтесь с богатой добычей!)*

Что подстрелили — поймайте,
Что поймали — не упускайте,
Возвращайтесь гордо с добычей)
(Зап. от Д. С. Норбоевой, см. выше).

Поврежденный пулей кусочек мяса с кровью не давали никому. Добыв копытное животное (лося, оленя), отрезали конечности, обвязывали их вместе сухожилиями и подвешивали к веткам лиственницы. Голову убитого зверя направляли в сторону дома. Некоторые наши информаторы сетуют, что современные люди шьют из камусов оленя унты, пачкая шкуру сакрального животного грязью и пылью, что было в прошлом недопустимо, — традиционную обувь из оленьей шкуры изготавливали шаманы (Зап. от С. Д. Банзаракцаева, см. выше).

В прошлом, добыв оленя, буряты молились голове животного и его рогам. «Добыв животное, отделяли голову с рогами, устанавливали на белой кошме возле очага и совершали моление. Каждый прикасался к голове, чтобы получить благословение: считали, что рога оленя — эрдэни (драгоценность) [Галданова 1992, 52–53]. В песне жанра прославления родителей *эхэ эсэгын магтаал дуун* поется:

Алаг бугын эбэр гээ

Алтан бэшэ юунэйб даа?..

Эрээн бугын эбэр гээ

Эрдэни бэшэ юунэйб даа?..»

(Рога пегого оленя

Если не золото, то что это?..

Рога пестрого оленя

Если не драгоценность, то что это?..)

(Зап. от Лубсана Цыбиковича Бадмаева, 1942 г. р., с. Санага, Закаменский р-н) [ПМА 2000].

В бурятском обществе охотник занимал особое место — он был уважаемым человеком, тесно связанным с миром сакрального. Нередко к охотникам обращались с просьбой совершить особые обряды. Дочери знаменитого охотника Мэргэна Шагжи, убившего 22 медведя на своем веку, рассказывали, что «односельчане часто обращались к охотникам, которые постоянно проводили *хангайн сэргэм* с просьбой побрызгать чай, *тара-сун* за их благополучие, считали, что охотника хорошо знают хозяева местности и его молитва быстро доходит до адресата».

Хороших охотников общество нередко отправляло на охоту, помогая его семье по хозяйству. Так, Мэргэна Шагжу сельчане просили отправиться на охоту, поскольку он никогда не возвращался с пустыми руками. Он мог пробраться незамеченным, в силу своего небольшого роста, в стадо кабанов и выбирать того зверя, которого следовало добыть. Это был охотник, строго придерживавшийся традиций и охотничьей этики: «*Байгаалидаа гамтай байгты, эхэнэр гүрөөһэ (зүрэ) бү алагты! Зунай сагта амитанай үншэрһэн ури, инзаганай нюдэндөө илааһа, хоно суглуулаад, шүүдэртэй ургаһан намаа хүхэжэ байхые хараагүйт! Нюдэнэй хараа байна гэжэ, амитаниие бү буудагты, амита зобоонгүй, үхэлтэй газартань оножо, торгохо хэрэгтэй!*» (Относитесь к природе бережно, не убивайте самок! Не охотьтесь вне сезона — вы летом не видели осиротевшего, с глазами, облепленными мухами и оводами олененка, сосавшего покрытые росой листья (от голода. — А. Д.)). Он наказывал не мучить животных, не оставлять подранков! (Зап. от Ц.-Д. С. Цыренжаповой, см. выше).

Охотничьи традиции являются частью главного принципа бережного и почтительного отношения к природе, такого же, как к своим родителям. Информанты, которые пережили тяжелые послевоенные времена, поделились воспоминаниями, как они пошли в первый класс. Одежда, сумка, обувь — все было сшито из оленьей шкуры. Они с благодарностью говорят:

Баян нютагамнай

Хүндэ сагта үлдөөгөөгүй

Баян Хангайнгаа хэшиг буянгаар

Баабай эжынгээ хүсөөр

Энэ бээз бэлжэ нуунабди

(Богатая земля

В тяжелое время не дала умереть с голоду,

Благодаря дарам-богатству Хангая,

Стараниям родителей

Мы живем до сих пор)

(Зап. от Р. С. Шагжеевой, см. выше).

Утрата традиционных способов промысла обусловила сокращение обря-

довых действий, связанных с охотой: постепенное исчезновение охотничьих песен (*ангуушадай дуунууд*), благопожеланий (*үрээл/юрөөл*), заговоров (*шэб-шэлгэ*), пословиц (*оньһон үгэнүүд*). Тем не менее присаянские буряты продолжают бережно хранить образцы промыслового фольклора, все еще сохраняются охотничьи байки — короткие рассказы, которые любят слушать односельчане.

Таким образом, охотничьи традиции бурят Присаянья отражают культурные

представления народа, охотничью этику. Поскольку охота не просто промысел, а акт взаимоотношений с хозяином тайги Хангаем, она требовала уважительного отношения и тщательной предварительной подготовки, что нашло отражение во всем разнообразии жанров охотничьего фольклора. Охотничьи обряды, охотничий фольклор являются культурно-историческими источниками, анализ которых необходим в целях сохранения культурного наследия бурят.

Источники и материалы

Данжалов 1992 — Данжалов В. Агнуурида гарахадаа // Зэмхэ сэсэгэй зэрэлгээн соо. Закаменск, 1992. На бурят. яз.

ПМА — Полевые материалы автора с 1993 по 2024 г.

Исследования

Бардаханова 1992 — Бардаханова С. С. Система жанров бурятского фольклора. Новосибирск: Наука, 1992.

Галданова 1992 — Галданова Г. Р. Закаменские буряты: Историко-этнографические очерки (вторая половина XIX в. — первая половина XX в.). Новосибирск, 1992.

Доржиев 1993 — Доржиев Б. Ш. Закамна. Улан-Удэ, 1993.

Дылгырова 2008 — Дылгырова А. С. Песенное творчество закаменских бурят: традиция бытования: Дис. ... канд. филол. наук: 10.01.09. Улан-Удэ, 2008.

Жамбалова 2004 — Жамбалова С. Г. Охота // Буряты / Отв. ред. Л. Л. Абаева, Н. Л. Жуковская. М., 2004. С. 93–105.

Жамбалова 1991 — Жамбалова С. Г. Традиционная охота бурят. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1991.

Манжигеев 1978 — Манжигеев И. А. Бурятские шаманистские и дошаманистские термины: Опыт атеистической интерпретации АН СССР. Сиб. отд-ние, Бурят. фил. БИОН. М., 1978.

Михайлов 2006 — Михайлов В. А. Традиционные промыслы бурят: охота, рыболовство (XVII — начало XX века). Улан-Удэ: Респ. типогр., 2006.

Халтаева 2000 — Халтаева Л. А. Зарождение и развитие пентатоники в бурятской народной музыке // Национальная самобытность искусства на рубеже тысячелетий. Улан-Удэ, 2000. С. 43–46.

© А. С. Дылгырова, 2025

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Дылгырова А. С. <https://orcid.org/0009-0007-8200-2147>

Кандидат филологических наук, доцент кафедры этнологии и народной художественной культуры Восточно-Сибирского государственного института культуры: Российская Федерация, 670031, г. Улан-Удэ, ул. Терешковой, д. 1; тел.: +7 (3012) 23-33-22; e-mail: adilgirova@mail.ru

Hunting Folklore of the Buryats of Prisayan'ye

Ayuna S. Dylgyrova

(East-Siberian State Institute of Culture:

1, Tereshkova str., Ulan-Ude, 670031, Republic of Buryatia, Russian Federation)

Summary. A large part of the eastern Sayan Mountains in Buryatiya, where the Zamen, Tunkin and Oka Buryats live, is covered by taiga, so hunting occupies an important place in the life and culture of these ethnic groups, along with cattle breeding and farming. This article

summarizes materials published and collected by the authors during field research about the hunting rituals of the Buryats of the Sayan region (Prisayan'ye). It reveals the meaning of some hunting ritual actions, expressions of goodwill, charms, and songs associated with hunting, recorded in the Okinsky, Tunkinsky, and Zakamensky regions. According to the residents of the Prisayan'ye region, success in hunting depended on Khangai, the master of the taiga, so hunters made ritual offerings to him with a request to grant them good luck. The local Buryats cherished the natural world and had a reverent attitude to bear, wolf, deer, ermine, otter, sable, and crow, which is reflected in the various folklore genres they practiced.

Key words: Eastern Sayan, Buryats, Khongodors, Buryat hunting rituals, Buryat hunting songs, hunting ethics, hunting traditions.

Received: January 27, 2025.

Date of publication: June 25, 2025.

For citation: Dylgyrova A. S. Hunting Folklore of the Buryats of Prisayan'ye. *Traditional Culture*. 2025. Vol. 26. No. 2. Pp. 72–82. In Russian.

DOI: <https://doi.org/10.26158/TK.2025.26.2.005>

References

Bardahanova S. S. (1992) Sistema zhanrov buryatskogo fol'klora [The System of Genres of Buryat Folklore]. Novosibirsk: Nauka. In Russian.

Dorzhiev B. Sh. (1993) Zakamna [Zakamna]. Ulan-Udeh. In Russian.

Dylgyrova A. S. (2008) Pesennoe tvorchestvo zakamenskikh buryat: traditsiya bytovaniya [Songs of the Zakamenskii Buryats: Tradition and Practice: Dissertation]: Ulan-Udeh. In Russian.

Galdanova G. R. (1992) Zakamenskie buryaty. Istoriko-etnograficheskie ocherki (vtoraya polovina XIX v. — pervaya polovina XX v.) [Zakamenskii Buryats: Historical and Ethnographic Essays (Second Half of the Nineteenth – First Half of the Twentieth Century)]. Novosibirsk. In Russian.

Haltaeva L. A. (2000) Zarozhdenie i razvitie pentatoniki v buryatskoi narodnoi muzyke. [The Origin and Development of the Pentatonic Scale in Buryat Folk Music]. In: Natsional'naya samobytnost' iskusstva na rubezhe tysyacheletii [National Identity

of Art at the Turn of the Millennium]. Ulan-Udeh. Pp. 43–46. In Russian.

Manzhigeev I. A. (1978) Buryatskie shamanistskie i doshamanistskie terminy: Opyt ateisticheskoi interpretatsii AN SSSR [Buryat Shamanistic and Pre-Shamanistic Terms: An Attempt at Atheistic Interpretation]. Sib. otd-nie, Buryat. fil. BION. Moscow. In Russian.

Mihajlov V. A. (2006) Traditsionnye promysly buryat: okhota, rybolovstvo (XVII — nachalo XX veka) [Traditional Skills of the Buryats: Hunting, Fishing (Seventeenth – early Twentieth Centuries)]. Ulan-Udeh: Resp. tip. In Russian.

Zhambalova S. G. (1991) Traditsionnaya okhota buryat [Traditional Hunting of the Buryats]. Novosibirsk: Nauka. Sib. otd-nie. In Russian.

Zhambalova S. G. (2004) Okhota [Hunting]. In: Buryaty [Buryats]. Ed. by L. L. Abaeva, N. L. Zhukovskaya. Moscow. Pp. 93–105. In Russian.

© A. S. Dylgyrova, 2025

ABOUT THE AUTHOR

Ayuna S. Dylgyrova <https://orcid.org/0009-0007-8200-2147>

E-mail: adilgirova@mail.ru

Tel.: +8 (3012) 23-33-22

1, Tereshkova str., Ulan-Ude, 670031, Republic of Buryatia, Russian Federation

PhD in Philology, Associate Professor, Department of Ethnology and Folk Art Culture, East-Siberian State Institute of Culture

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY4.0)